

ПИСЬМА В. И. ЛАМАНСКОГО

Письмо К. С. Аксакову¹

Многоуважаемый Константин Сергеевич. Восьма благодарен Вам за письмо Ваше, рад, что статья будет помещена в «Беседе»². Будет Вам досуг, пожалуйста, сообщите мне Ваши замечания. Вы пишете мне, что думали поговорить со мною о некоторых серьезных вопросах, но вместо того браните Петербургскую публику. Будьте спокойны, Константин Сергеевич, я не стану Вам защищать ее. Я был на обоих этих несчастных диспутах и у Перозио³ и у Погодина⁴. Брата моего ругали не в меру. По глубокому нашему убеждению, он сделал ошибку, взявшись за это дело. Читая их программу, нельзя было ожидать никакого толку. Но если бы Вы знали, Константин Сергеевич, как держала себя публика, какие нелепые выходы, какие грубые замечания раздавались со всех сторон! Брат вел диспут слабо, но он был на стороне более правой. Герой тогдашнего дня, Полетика⁵, человек очень способный ловкий, но далеко не честный. Он старый, давний товарищ старшего моего брата⁶, горного. Чтобы разом обрисовать его и наше общество, я Вам расскажу случай, который был у нас недавно. Этот Полетика служил на Алтае и нажил себе там состояние, о чем он

---

¹ Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) – философ, поэт, историк, лингвист, один из лидеров славянофилов. С К. С. Аксаковым Ламанский познакомился в 1858 г. в Москве.

² «Русская беседа» – славянофильский журнал, издававшийся в Москве с 1856 по 1860 гг. А. И. Кошелевым. Соредакторами в разное время выступали Т. И. Филиппов, П. И. Бартнев, М. А. Максимович, И. С. Аксаков. В журнале принимали участие К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков и др.

³ Перозио Николай Павлович (1819–1877) – писатель по экономическим вопросам. Сын итальянского эмигранта из Генуи. В конце 1859 г. Перозио выступил обличителем Русского Общества пароходства и торговли, обвиняя в своих статьях его правление в различных злоупотреблениях. По предложению Перозио для разрешения полемики в декабре 1859 г. в Пассаже был устроен публичный диспут с представителем Общества Смирновым. Диспут собрал многочисленных слушателей, а ряд изданий («Современник», «Русское слово», «Искра» и др.) посвятил прошедшему диспуту свои публикации. В 1872 г. Перозио переселился в Геную.

⁴ Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – историк, археолог и журналист, сын крепостного графа Строганова. Профессор Московского университета (1826–1844), академик (1841). Издавал журналы «Москвитянин» и «Московский вестник».

⁵ Полетика Василий Апполонович (1823–1888) – горный инженер, заводчик. Более 25 лет служил в Западном Сибири управляющим рудниками Алтайского округа. В Петербурге занимался журналистикой, издавал газеты «Биржевые ведомости» и «Молву».

⁶ Ламанский Яков Иванович (1822–1872) – горный инженер, командир горной школы при Технологическом институте, а затем директор Технологического института.

говорил громко, приехав в Петербург. Теперь он заводчик и занимается частными делами, носит, однако, горный мундир. Не очень давно читал он в Пассаже лекцию – о пошлинах на машины. Как Вы думаете, вся эта лекция состояла в подробных рассказах о мошенничествах горных наших инженеров на Алтае, где он сам служил и брал взятки. Перозио – еще грязнее.

Диспут Погодина Вам известен из «Современника». Признаюсь Вам откровенно, я шел туда, как в балаган, я не ожидал и нельзя было ожидать ничего порядочного. Я знал наперед, что Погодин раскается, что Костомарову¹ стоит только открыть рот и ему будут аплодировать; накануне диспута я даже говорил Костомарову, что ему не мешало бы предварительно попросить студентов придерживать свои восторги; он сам наконец говорил, что прежде всего укажет на все неприличие выходки «Современника» в рецензии на книгу Погодина «Нормандский период». Ничего он этого не сделал. Сказать Вам по правде, я Погодина не жалею. Он также вел себя крайне неприлично. Не нужно было ему и затевать этого диспута. Я очень хорошо понимаю, что Погодин лицо замечательное, но вместе с тем как ученую, так и общественную его деятельность

---

¹ Костомаров Николай Иванович (1817–1885) – историк, украинский поэт, один из деятелей украинофильского движения. С 1859 по 1862 гг. профессор Петербургского университета. Вот как описывал диспут с М. П. Погодиным сам Костомаров: «В 1860 году напечатанная в первом номере “Современника” моя статья “Начало Руси” вооружила против меня Михаила Петровича Погодина. Старый ветеран истории никак не мог переварить смелости, с какою я отважился на разбитие системы происхождения Руси из норманнского мира. Он прибыл в Петербург и, встретив меня в Публичной библиотеке, предложил мне вступить в ним в публичный диспут по этому вопросу. Я, погорячившись, тотчас согласился, хотя впоследствии и не вполне был доволен тем, что позволил себе выставить такой специальный предмет на праздную потеху публики. Некоторые приятели тогда уже говорили мне об этом, но, давши слово и допустивши огласить в печати наше намерение, я не мог выдумать какие-нибудь предлоги к тому, чтобы это намерение не исполнилось; притом же доход с билетов, которые будут братья на этот диспут, предназначался в кассу для бедных студентов: самое наше намерение представлялось полезным делом в благотворительном отношении. Диспут наш состоялся 19 марта. Как и следовало ожидать, он кончился ничем: каждый из нас остался при своем мнении; впрочем, как я имел случай слышать мнение публики, большинство ее склонялось на мою сторону, тем более, что покойный Добролюбов напечатал в «Свистке», составлявшем приложение к “Современнику”, очень остроумное и едкое описание нашего диспута, выставляя на вид несостоятельность норманнской системы и стараясь представить самого Погодина в комическом виде. М. П. Погодин был очень недоволен этим и даже винил меня, подозревая, как будто бы у меня была какая-нибудь солидарность с тем, что печаталось о нем в “Свистке”, которого сотрудником он дал тогда печатно кличку «рыцарей свистопляски». Собственно говоря, ни Погодин, ни я не были абсолютно правы, на моей стороне было по крайней мере то преимущество, что я понимал чтение летописей в более прямом смысле и притом таком, какой, вероятно, имелся у самих летописцев» (*Костомаров Н.И.* Автобиография. – Киев, 1959. С. 154–155).

я считаю далеко не безупречною. Кроме непомерного его корыстолюбия, ему сильно всегда вредили желание выскочить вперед, подделаться, нелюбовь к постоянному и тихому труду, он никогда не исследовал, не пахал, а кое-как всковыривал. Это тем более досадно, что у него дарование не малое. Я долго думал и решительно теперь убежден, что в строгом смысле Погодин не ученый. Он любит хвастаться своим норманизмом, но ведь он не знает ни одного скандинавского наречия, славянские ему знакомы очень мало. Я никогда не скажу, что он не принес никакой пользы русск[ой] истории; он оказал услуги потому, что он человек даровитый. Впрочем, его мелкие статьи, заметки, письма гораздо выше его исследований. О теперешнем времени и говорить нечего, особенно в древнем периоде он вовсе не авторитет, тут он отстал страшно. Занимающиеся студенты на филологическом факультете IV курса имеют о многом лучшие сведения и я искренно хохотал про себя, когда Погодин сказал, что он устроил этот диспут для поучения молодежи. Погодин вышел из зала облизанный, поджав хвост, Костомаров при нем просил студентов, чтобы они его взяли на руки. Для чего он подделывался публике, подличал перед нею, уверяя, что она созрела и т. п.? Не думайте, Константин Сергеевич, чтобы я был за Костомарова. Он только наружно вел себя приличнее, тоньше, но он также позволял себе нелепые выходки, напр[имер], «ссылаюсь на всех здесь присутствующих, можно ли производить *Синеус* от Скандинавск[ого]...» и всеобщий хохот. К[остомаров] избалован страшно, его подкупили эти похвалы толпы, которые губят всякий талант. Он далеко не свободен от шарлатанства, он не прочь заискать расположения во что бы то ни стало. Расскажу Вам два случая, бывшие на моем диспуте¹. В последнем моем тезисе сказано между прочим – воздействие России на Запад пойдет, хотя и другими способами, видоизмененными согласно народному духу и современной науке, теми же однако путями, какими протекало влияние Романо[-]Герм[анцев] на нас. Он знал, что я разумел здесь пути литературы, торговли, промышленности и т. д., но ему надо было кончить свои замечания какою-нибудь фразой поэффектнее. И вот он говорит: от души желаю, чтобы Россия не влияла на других так, как немцы влияли на славян. И тут гром рукоплесканий, продолжавшийся минут десять, если не более. По окончании диспута, напали на меня

---

¹ Защита магистерской диссертации В. И. Ламанского на основе опубликованной в 1859 г. книги «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании» состоялась в Санкт-Петербургском университете 31 января 1860 г. Книга Ламанского была удостоена Демидовской премии Академии наук.

мои знакомые и незнакомые поляки – зачем, дескать, я говорю, что русск[ий] народ один из всех славян создал могучее государство, а Польша... Стали тут мы спорить. Подходит Костомаров и говорит: «Да что, господа, ведь эти славянофилы *всех нас* хотят обратить в греческую веру и в москалей», – и ушел, а перед тем только что целовался со мною. Его статьям о Руси особенно рады поляки. Его филологические доказательства большею частью крайне нелепы, по моему мнению. Кстати, Константин Сергеевич, согласитесь ли Вы со мною, что имя *Утин* есть *Ант*, как были имена собственные Русин, Славко и пр. Варягов князей я признаю за Норманнов, хотя никак не могу согласиться с мнением Шлецера¹, Шафарика², Куника³, что *Русь* есть *Родзин*. У меня собрано из грамот Посольских XII, XIII в. много имен местных. Ruzsowo, Ruscow, Ruzsinowo в Моравии. Ruzsinowe у Сербов имена собственные – Руско, Русин (в грам[отах] XII в.), у Болгар *Русмир* и пр. Корень наш – русло, русалка, р. Ресь. Для меня словоупотребление на *Руси* очень любопытно, как на *Москве*, на *Лопасне*. В этом очень много темного. Костомарова статья может принести пользу тем, что заставит нашу молодежь заняться Литвою, что очень нужно для языка и для быта.

Я Соловьева⁴ считаю гораздо дельнее Костомарова. Но тому сильно вредит какая-то ремесленность занятий. Он теперь ежедневно бывает у нас в Государственном Архиве. Ему сильно также вредит посильность [?] работы, хотя он и говорил как-то мне, что обдумывает каждое свое слово. Не писал бы он тогда так скоро.

Теперь, Константин Сергеевич, позвольте мне сказать слова два об «Обществе вспомо[жения] бедн[ым] литер[аторам]»⁵. Вы говорите, ему печально сочувствуют некрещенные жида. Я

---

¹ Шлецер Август Людвиг (1735–1809) – немецкий историк, статистик и публицист. В 1761–1767 гг. работал в Петербургской академии наук. Профессор Геттингенского университета.

² Шафарик Павел Йозеф (1795–1861) – словацкий и чешский славист, деятель чешского национального возрождения. Хранитель (1841) и директор (1848) библиотеки Пражского университета. Оказал влияние на развитие славяноведения в других странах, в том числе в России, под его руководством овладевали славяноведением И. И. Срезневский, О. М. Бодянский и др.

³ Куник Арист Аристович (1814–1899) – российский историк немецкого происхождения, академик, сторонник норманской теории происхождения Руси.

⁴ Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – историк, ректор Московского университета, академик.

⁵ «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (Литературный фонд) было основано в 1859 г. в Петербурге. Учредителями, помимо Ламанского, были А. В. Дружинин, И. С. Тургенев, К. Д. Кавелин, П. А. Анненков, Н. Г. Чернышевский, А. В. Никитенко, А. А. Краевский, С. С. Дудышкин, А. Д. Галахов, А. П. Заболоцкий-Десятовский, Е. П. Ковалевский.

пошел добровольно в члены это общества и его действия не могу считать презренными, — тогда бы я сейчас же из него вышел. Об адресе Жидов я думаю таким образом — или они пожертвовали деньги из тщеславия, или, действительно, из желания помочь бедным. Конечно, любовь истинно возвышенна и неисчерпаема в одном Христианстве, но не думайте же ведь Вы, Константин Сергеевич, что чувство любви не врожденно человеку, что ее не чужды все народы в мире, между прочим, и некрещенные Жиды. Их, действительно, могли тронуть известные протесты, печатавшиеся в «Вестнике» и пр. Я не стану никогда считать подлостью просить Общество помочь какому-нибудь бедняку, я буду только ругать себя, если я стану хвататься этим и видеть в этом какой-нибудь особенный подвиг. Общество вспоможения нужно, потому что частная благотворительность недостаточна. Если не совестно собирать подписку в пользу какого-нибудь бедного семейства, то не вижу стыдного и в устройстве постоянного Общества для вспоможения по подписке. Дурно, конечно, если члены общества будут считать себя благотворителями и т. д. Этим частная благотворительность (нелепое слово) не исключается никоим образом. Тогда и Библейское Общество нелепость, ведь каждый Христианин обязан словом и примером проповедовать слово Божье. Если Вы, Константин Сергеевич, убедите меня, что этому Обществу принадлежать стыдно, то я из него выйду. Ведь, конечно, Петербург лишен всей народной почвы — но могут же и в нем жить честные и благородные люди. Я много знаю здесь людей в высшей степени нравственных, жизнь которых достойна уважения. Если Вам только досуг и есть охота писать, то ради Бога не смущайтесь моим Петербургским происхождением и толкуйте о серьезных вопросах. Я давно уже стал приучать себя строго и серьезно глядеть на жизнь, и никакие подобные рассуждения меня не утомят.

Мой адрес: Торговая улица, дом Гейдепрейха.

Душевно Вам преданный
В. Ламанский

23 апреля [1860]

(РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 50. Л. 1, 1 об, 2, 2 об.)

Письмо А. В. Головнину¹

Милостивый Государь
Александр Васильевич.

В исполнение данной мне инструкции честь имею представить Вашему Превосходительству отчет о моих занятиях за границу².

При всем моем желании начать путешествие еще в конце апреля, различные внешние обстоятельства не позволили мне выехать из Петербурга раньше 5/17 мая³. Первые две недели моего путешествия я провел в Кенигсберге, Берлине, Дрездене и Будишине, 19/31 мая я приехал в Прагу и оставался в Чехии до 1 июля нов[ого] стиля, затем 2 ½ дня прожил в Брне, столице Моравии и в пятницу, 4 июля н[ового] с[тиля] в 4 часа пополуночи прибыл в Вену, из которой на будущей неделе намерен

---

¹ Головнин Александр Васильевич (1821–1886) – государственный деятель, почетный член Петербургской Академии наук (1861). Сын адмирала В. М. Головнина. Принадлежал к группе “либеральных бюрократов”. В 1861–1866 гг. – министр народного просвещения, провел университетскую, гимназическую, цензурную реформы.

² В письме И. С. Аксакову Ламанский признавался: «Головнин *приказывал* мне писать ему в частных письмах о политических партиях, о народных движениях, симпатиях, поручал мне обращать внимание на народное образование, народные школы» (Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1917. Кн. III – IV. С. 66.).

³ В дневнике Ламанский следующим образом описывал свой отъезд: « 5/17 мая выехал из Петербурга по Варшавской железной дороге, в 3 часа по полудни. Провожали все наши, кроме Евгения (старший брат В. И. Ламанского. – А.М.), папенька, маменька, Лина, Яша с Глафирой, Нестор и Сережа (сестра и братья Владимира Ивановича, Глафира, вероятно, жена Якова Ивановича Ламанского. – А.М.). Приехали проводить М. П. Анненков, Дм. Бер, вместе с ними из дому приехал Кругликов, Никитин (гимназические друзья Владимира Ивановича. – А.М.). Миша приехал прямо из деп., за ним я уже послал из дома и хорошо сделал, ибо он решительно не знал, когда я уезжаю. А. В. Гаркаев явился уже поздно, я заметил его только, когда уже был в вагоне и наш поезд тронулся. Чудесный Кругликов занял для меня место в новом вагоне, уложил туда мои вещи, уговорил наконец Мишу проводить меня до Гатчины, а потом до Луги. Как прежде, особенно за несколько дней до отъезда, меня точила странная тоска. Едва удерживался от слез при одной мысли о предстоящей разлуке на 2 года. Утром в субботу, горячо помолившись Богу, испросив себе Божьего благословения на путь на дорогу, я не чувствовал уже прежней тоски. Получив благословение папеньки и маменьки, и наплакавшись на прощанье с нею и с Линою, дай Бог увидеть мне всех наших живыми. Боже мой! Как только это долго – 2 года. Теперь я еще не опомнился и не могу прийти в себя, слишком многочисленны и разнообразны новые впечатления. Из них в дороге конечно самым первым и сильным было для меня видеть лето через день после отъезда из Питера, где еще в четверг или в пятницу шел ладожский лед во всю Неву. Это особенно стало заметно, когда мы подъезжали к Вильну и Ковну. Тут уже прекрасные окрестности, особенно под Вильном. Но в народе наружностью уже совсем не Русская. Что за огромная разница с нашим Великороссийским крестьянином». (СПб. филиал Архива РАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 73 об. – 73)

отправиться в южно-славянские земли с целью пробыть в них до конца октября или начала ноября нынешнего года.

В Кенигсберге, старом Кролевце, основанном чешским королем Оттокар¹, я пробыл только 1 ½ дня. Я был чрезвычайно доволен посещением этого старинного города, этой прусской Москвы. Старые ее достопримечательности, наружность, наличие и говор жителей, особенно простого народа служат превосходною иллюстрациею для исторической и этнографической характеристики северной, ниже-немецкой народности. Миниатюрные улицы и переулки, старинная постройка зданий, наряд и типы простого народа, особенно уличных торговцев-старух совершенно иногда переносят посястороннего наблюдателя в старинный немецкий город XVI, XV в., живо напоминают картины и портреты старых немецких мастеров Крапах², Гольбейна³. В понедельник, по случаю празднества в память Фихте⁴, лекций в университете не было, а профессор философии, известный Гегельянец Розенкранц⁵ читал о Фихте торжественную речь, в присутствии довольно многочисленного собрания. При этом Розенкранц имел старую немецкую мантию, что для постороннего наблюдателя было несколько забавно, также как и заключение этого Fichte-Fest'a пением известной патриотической немецкой песни, начинающейся вопросом: «Was ist des Deutschen Vaterland?» На другой день я был в университете на 3 лекциях, на одной у проф. Фридендера⁶ и на двух у Розенкранца. Фридендер читает курс римских древностей и в мое присутствие говорил о римских надписях, причем главнейше распространялся о множестве подделок их и лучших их изданиях. Розенкранц не отличается самобытностью воззрений и строго держится своего учителя, разделяя его ошибочный взгляд, по которому формула, закон стоят прежде и выше явления, жизни. Так, Розенкранц говорил: «Was wir mit Notwendigkeit denken, das existiert auch». Этот несчастный предрассудок новой немецкой образованности, это своего рода логический

---

¹ Пржемысл Оттокар II (1230–1278) – чешский король с 1253 г. В 1255 г. во время крестового похода против пруссов заложил крепость Кенигсберг для Тевтонского ордена.

² Лукас Крапах Старший (1472–1553) – немецкий художник эпохи Возрождения.

³ Гольбейн Ганс Младший (1497–1543) – немецкий живописец и график эпохи Возрождения, иллюстратор Библии.

⁴ Фихте Иоганн Готлиб (1762–1814) – философ, представитель немецкой классической философии.

⁵ Розенкранц Иоганн Карл Фридрих (1805–1879) – немецкий философ-гегельянец, профессор философии в Кенигсберге.

⁶ Возможно, речь идет об уроженце Кенигсберга, докторе философии и ординарном профессоре Дерптского университета Эбергарде Давиде Фридендере (1799–1869).

мистицизм и суеверное обожание отвлеченного, абстрактного мышления есть, кажется, одна из главнейших причин печального политического состояния Германии, впрочем очень благоприятного для мира славянского. С каждым месяцем страшно обогащается и без того уже громадная литература немецкая о несчастном вопросе германского единства, на самом деле несколько не подвигается вперед. Большинство немецкого общества продолжает твердо верить в *тождество мышления и бытия*, между тем как самые эти бесплодные философствования в необходимости единства Германии всего лучше доказывают, что не все существует, что необходимо мыслиться. На лекции своей по предмету психологии Розенкранц читал о различии возрастов и полов. Меня особенно поразило в этой лекции то, что свою отвлеченную речь Розенкранц часто уснащал самыми пошлыми и грязными остротами и что эти последние очень нравились слушателям, юным филистерам. Характеристика полов стояла у него в развитии след[ующих] 2 положений: «Die vierwöchentliche Menstruation fasset das Weib an die Natur, das Weib ist durch die Natur gebunden und der Mann von der Natur frei gelassen». «Возрасты (Altersstufe) суть, – по словам Розенкранца, – необходимые последовательные понятия родовой метаморфозы». Я расспрашивал моих студентов и получил от них почти единогласное удостоверение, что Розенкранц есть лучший профессор в Кенигсбергском университете. Он помещается пока еще в старом здании, в котором еще читал великий уроженец Кенигсберга, Кант¹. Но в городе уже строится новое и обширное здание для университета, который впрочем считает слушателей около 400 человек. Большинство поляков-студентов, как я слышал, находится в медицинском факультете. Время не позволило мне ознакомиться с польскою молодежью или собрать более подробные сведения о состоянии этого университета, в который собственно поступают юноши ближайших только местностей. Вообще при нынешнем все возрастающем разветвлении наук и необходимом от этого умножении кафедр, при развитии многих литератур, прежде всего неизвестных, содержание университетов и необходимых при них библиотек, лабораторий, музеев стоит так дорого, что едва ли Кенигсбергский университет может надеяться на великую будущность и по всей вероятности никогда не сравняется не только с Берлин-

---

¹ Кант Иммануил (1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии; профессор университета в Кенигсберге, иностранный почетный член Петербургской Академии наук (1794).

ским, но и с другими гораздо менее замечательными немецкими университетами.

В Берлин я приехал утром 9/21 мая, в среду и оставался в нем до субботы. Пользуясь этим временем, я осмотрел новый и старый музей, причем обращал особенное внимание на собрание древностей, преимущественно вырытых из могил в землях Прусского королевства. В этом собрании, столь тщательно составленном и достойном с нашей стороны полного подражания, я нашел множество вещей совершенно сходных с теми, которые вырыты у нас в России и хранятся в музеях Географического, Археологического обществ и Петербургской Академии наук. Точно такие же вещи я видел и в прекрасном собрании древностей Чешского музея в Праге. Хотя эти древности Берлинского музея и отрыты по большей части в землях древне-славянских, однако сходство их с русскими и чешскими едва ли должно быть приписываемо общему их, славянскому происхождению, ибо несомненно они принадлежат совершенно иным, неславянским народам, которые уже задолго до славян населяли эти земли. Прежние археологи все, напр[имер], бронзовые вещи приписывали кельтам, между тем новейшие открытия доказали неосновательность этого предположения, ибо совершенно такие же *кельтские* вещи найдены в таких местах, в которых кельтов никогда не было, между прочим, у нас, на севере.

Собрание слепков с памятников древнего искусства, не только классического, но и египетского и ассирийского, точно так же заслуживает нашего подражания, ибо оно живо, наглядно знакомит с образованностью древних народов и служит замечательным пособием для изучения их истории. Мне кажется, что в России такое собрание могло бы легко устроиться без особенно больших пожертвований со стороны правительства и частных лиц, если бы только Эрмитаж, Академии художеств и наук и некоторые другие общества согласились с образованием такого музея. Можно даже надеяться, что наше собрание не только не уступило бы Берлинскому, но еще бы превзошло его. Тоже самое еще с большим правом можно сказать об этнографическом собрании Берлинского музея. Когда этнографические музеи Географического общества и Академии наук будут соединены вместе, то смело можно утверждать, что после некоторых новых приобретений наш музей будет богаче Берлинского во многих отношениях. При этом нельзя не пожелать, чтобы этот будущий музей не находился в исключительном заведении Петербургской Академии, ибо тем была бы закрыта дорога для новых обогащений. По своему почти ис-

ключительно немецкому направлению, мало популярная у нас, она пользуется в славянских землях, между тамошними учеными, самую дурную репутацию, как я убедился из личных бесед со многими знаменитыми в Европе чешскими учеными в Праге. Меря все на свой аршин, Чешские ученые почти уверены, что у нас, кроме государя и вел. князя Константина, все наше правительство чисто немецкое и слабое развитие в нашем обществе чувства народности они приписывают насильственным мерам, как они говорят, петербургской *влады*, которая хочет, подобно венской, немечить Россию и для того содержит немецкую академию. Таким образом, славяне ни за что не станут посылать нам своих вещей в Этнографический музей, зависящий от Петербургской академии, а между тем Русский этнографический музей был бы страшно не полон без славянских этнографических предметов.

Откровенно признаю Вашему Превосходительству, что знаменитые картоны Каульбаха¹ не произвели на меня того впечатления, которое я ожидал, судя по чужим отзывам. Рисунков, фигуры чрезвычайно правильны, часто очень красивы, но им сильно вредит преобладание в них символики и учености. Каждая картина требует долгих комментариев, которые нарушают целостность и художественность впечатления. Картон же «Hunnenschlacht» решительно поразил меня странностью замысла – изобразить на картине древнее немецкое предание, по которому римляне еще по смерти своей, уже падшие, с ожесточением дрались на воздухе с падшими также гуннами. Огромные фигуры воинов, висящие или летящие по воздуху, производят самое дикое впечатление и заставляют серьезно задуматься, как могла такая нелепая мысль понравиться художнику, бесспорно умному и талантливому. В «Разрушении Иерусалима» одна группа должна, по мысли Каульбаха, представлять торжество христианства, и вот впереди одной толпы людей, уходящих от разрушающего Иерусалима, идет юноша с книгою (Новым Заветом) в руках, идет и читает ее. Не говоря уже о неуместности чтения при такой катастрофе, нельзя не заметить черты чисто лютеранской в мысли изобразить силу веры внимательностью чтения или учения. Черта глубоко характеристическая! В чем ином, как не в *учении*, состоит христианская вера, по мнению протестантства, для которого нет места церкви в смысле православном, в смысле общины христиан, связанных узами братства и любви. В этом отношении

---

¹ Каульбах Вильгельм фон (1805–1874) – немецкий живописец и график, с 1849 г. – директор мюнхенской Академии художеств.

очень любопытен пример качественности или интензивности, который приводил Розенкранц на своей лекции логики. «Die Kirche ist am wenigsten besucht, also der Prediger ist schlecht. Die Kirche ist voll, also der Prediger ist gut». Церковь у лютеран есть храм, место, в котором читаются лекции. Хорош профессор – слушателей много, дурен – мало. Каульбах еще не кончил картона, имеющего изобразить новое время. Много было споров за сюжет. Каульбах хотел, и кажется покойный король одобрял, изобразить торжество протестантства, но директор музея – католик и ни за что не позволял такого сюжета. Кажется остановились на том, чтобы представить на одном картоне, с одной стороны, Лютеранство, с другой, католицизм в одинаково светлом виде и таким образом тот картон назначен удовлетворить обе Пруссии, католическую и протестантскую.

Кроме музея, я осматривал еще Публичную библиотеку. Русское отделение чрезвычайно бедно, славянское тем более. Таким образом, Берлинская библиотека, при своих сравнительно не великих средствах, едва ли когда будет в состоянии иметь сколько-нибудь полное собрание славянских литератур, ибо они растут с каждым десятилетием, а старые издания все более и более дорожают. Не так поступает Британский музей, который ежегодно отпускает большие деньги на покупку русских и других славянских книг. Я очень сожалел потом, что обратился к директору библиотеки г. Перицу, прося его позволения осмотреть бумаги Формея¹, бывшего секретарем Берлинской Академии наук, с которым Ломоносов² находился в переписке. Вместо того, чтобы отказать мне прямо, меня просили подождать. Я просидел два часа, а потом получил ответ с извинениями и сожалениями, что бумаги Формея не описаны и нет возможности отыскать в них писем Ломоносова. Я тем более сожалел о потере этих двух часов дообеденного времени, что на другой день попусту потерял слишком четыре часа из-за лакейского парада, в следствие которого все главные улицы Берлина были закрыты для пешеходов и экипажей. Публика сильно негодовала на такие распоряжения, в разных журналах

---

¹ Формей Жан Анри Самюэль (1711–1797) – писатель, сын французского протестанта, бежавшего в Германию, был пастором в Берлине, профессором философии в Берлинской французской коллегии и непременным секретарем Берлинской академии наук.

² Интерес Ламанского к М. В. Ломоносову не был случайным. В 1861 г. отмечалось столетие десятилетия со дня рождения русского ученого, а в 1865 г. столетие со дня его смерти. Ламанский принимал деятельное участие в подготовке этих торжеств, опубликовал несколько работ, посвященных деятельности Ломоносова в Петербургской академии наук, а также ряд архивных материалов. Ламанский же предложил установить памятник Ломоносову в Петербурге между зданиями Академии наук и Университетом.

появились потом резкие о том статьи. Вообще в пребывание мое в Пруссии я успел заметить, что общество очень недовольно правительством, постоянно упрекало короля в его анти-конституционных замашках, но больше всего обвиняло двор, который совершенно почти против конституции. Тогда только что окончились новые выборы в палату, которые еще более заключили в себе либеральных элементов, нежели прежняя палата, распущенная королем за либерализм. Правительство с своей стороны нисколько этим не стеснялось и продолжало задерживать отдельные №№ газет, запрещать целые брошюры. Вообще, по признанию самых беспристрастных пруссаков, настоящая свобода печати в Пруссии еще не существует. После этих мер, войско и его умеренный состав всего более возбуждает неудовольствия на правительство. Я сам слышал жалобы купцов, фабрикантов, помещиков на излишние расходы на войско, тяжелые для страны. Из разговоров моих с пруссаками я заметил, что они вообще очень интересуются современным состоянием России, и в некоторых образованных людях я нашел замечательное понимание наших обстоятельств. Много при этом слышал я жалоб на нас, из коих некоторые совершенно неосновательны и слишком логичны. Так, фабриканты и помещики (Gutsbesitzer) в Пруссии особенно недовольны частыми вызовами работников в Россию. В своих жалобах на это руководятся они не заботами о благе своих соотечественников, переселяющихся в Россию, а собственно о своих личных или сословных интересах, ибо они сами мне признавались, что с эмиграциею работников в Россию поденная плата уже начала у них и должна все более возвышаться. Сверх того привилегированные классы Германии, и вообще Западной Европы с величайшим несочувствием и опасением взирают на особенности наших поземельных отношений, замечая, что Россия таким образом может служить приманкою для их безземельных пролетариев, которым наши порядки не могут не нравиться. В самом деле, с течением времени все более и более должно обнаруживаться это раздвоение Западной Европы в отношении к России; все больше и больше будет раскрываться сочувствие к ней низших классов Запада, страх и недоверие высших, достаточных, обеспеченных классов. Знаков этого сочувствия нельзя искать еще в литературе, но они высказывались уже в жизни. Один очень умный и практически образованный инженер, мой хороший знакомый, прожил почти целый год на чугунных и железных заводах в Англии. Проводя целые дни с утра до вечера на заводе с работниками, прекрасно владея английским языком, он приобрел у них такое доверие, что они откровенно

высказывали свои жалобы не только на своих приказчиков и управителей (в присутствии которых они боялись разговаривать с нашим русским), но и вообще на фабрикантов и капиталистов, прижимающих их, и на правительство, покровительствующее последним. Прочтя в журналах об освобождении наших крестьян с землею, английские работники приставали к нашему инженеру с вопросами: правда ли, что каждый крестьянин имеет у нас свой дом, свою землю, правда ли, что царь освободил народ? Надо было видеть, передавал мне наш инженер, с каким благоговением и восторгом говорили они об Александре II, шепотом прибавляя: «У вас лучше, нежели у нас. Узнайте, пожалуйста, как бы нам можно было переселиться в вам». Я должен прибавить, что этот инженер – прекрасный специалист, никогда в подробности не изучал экономические вопросы на Западе, не имеет ни малейшего пристрастия к социалистам, след[овательно], человек непредубежденный. Он сам помещик и терпел в последнее время значительные убытки. Другой помещик рассказывал мне, как путешествуя по Баварии с одним своим приятелем немцем, известным Бодепсидетом, долго жившим в России и знающим хорошо наши деревни, стали они за ужином у одного баварского крестьянина, владельца Hof'a, по его же просьбе, рассказывать ему о нашем деревенском быте и об освобождении наших крестьян. Бодепсидент живо, наглядно представил ему нашу общину, наши поземельные отношения. Надо было видеть при этом восторг Hausknecht'тов, которые были тут же за ужином. Хозяин же крестьянин все более хмурился и наконец просил Бодепсидента и нашего русского перестать вовсе говорить об этом. Но безземельные Hausknecht'ты этим не удовлетворились. Они еще после потихоньку от хозяина расспрашивали наших путешественников о наших порядках и нашем освобождении крестьян. Наконец, я сам, прожив в чешской деревне, лично убедился, какую страшную силу, какое сочувствие, каких новых, неожиданных союзников в Западной Европе приобретает Россия мирным разрешением нашего крестьянского вопроса.

В Берлине я хотел навестить замечательного филолога Як. Грима¹, но к сожалению не застал его дома. В университете мне удалось только быть на 2 лекциях Дройзена², на одной из древней истории о мифологии арийцев, причем он почти бук-

---

¹ Гримм Яков (1785–1863) – немецкий филолог, основатель исторического языкознания и философской грамматики. С 1840 г. – профессор Берлинского университета.

² Дройзен Иоганн Густав (1808–1884), немецкий историк. С 1859 г. – профессор Берлинского университета.

важно следовал новейшим изысканиям Куна, а на другой из новой истории об образовании Испанской монархии при Фердинанде Католике¹ и Изабелле². Последняя лекция была очень жива, но при этом я не мог не заметить одного преимущества, которое нам дала наша история перед немцами. Вся та лекция была исполнена намеков на современное состояние Германии, объединить которую, по мысли Дройзена, обязана Пруссия. Говоря об XV в., Дройзен прибегал к разным колким замечаниям об австрийской династии, о разных немецких государиках. Из слов профессора, из выражений лиц слушателей легко было понять, сколько мысленного труда, сколько чувства и желчи тратит современное немецкое общество на вопрос, слава Богу разрешенный у нас еще в XV, XVI в. московскими собирателями русской земли. В Берлине я видел несколько сот студентов, разговаривал с некоторыми, и меня, признаюсь, неприятно поразило то замечание, которое я еще сделал в Кенигсберге о прусской молодежи. Вы видели молодых людей, юношей, свежих, здоровых на вид, но с каким-то старческим, утомленным выражением лиц; вас поражает в них эта сухость и расчетливость, их ограниченность и самодовольство, нет в них ни идеальных стремлений, ни дерзких и отважных планов, всегда непрактических, но необходимых для молодежи. Так отражается на наружности прусской молодежи влияние двух господствующих в ней философских школ, одинаково односторонних и узких в нравственном отношении, пантеистической школы гегелевской умеренной, отождествляющей Божество с чистым, отвлеченным мышлением, и другой школы левой, хотя ей противоположной, но необходимого ее постулата, отвергающей все духовное, признающей одну материю. Так эти учения, законные результаты немецкого протестантства, уже проникли в плоть и кровь молодых поколений Пруссии. У нас молодежь отдалась материализму в следствие долгого гонения у нас в литературе и университетах философии и в следствие можно сказать чисто католической и иезуитской, глубоко противной духу нашей церкви, системы воспитания в наших семинариях и духовных академиях. Эта система, как известно, перенесена к нам, великорусам, из Польши учеными, но сильно окатоличенными, белорусскими и малорусскими

---

¹ Фердинанд Арагонский, Фердинанд Католик (1452–1516) – король Кастилии, Арагона, Сицилии и Неаполя. Супруг и соправитель королевы Изабеллы Кастильской.

² Изабелла I Кастильская (1451–1504) – королева Кастилии и Леона. Супруга Фердинанда II Арагонского, династический брак с которым положил начало объединению Испании в единое государство.

монахами, которые до второй половины XVIII в. исключительно господствовали в нашей высшей иерархии. Нынешние наши семинарии и духовные академии проникнуты тем же самым духом, находятся в исключительно заведывании монахов, сословия столь порочного, низкого и безнравственного, говоря вообще, как и католическое духовенство. Не случайно, что самые отчаянные атеисты выходят из семинарий. Покойный Введенский, известный писатель, питал просто ненависть к Христу и говорил: этого Жиденка надо было не распять, а колесовать. Но смею уверить Ваше Превосходительство, что Введенский¹ и множество других наших атеистов были в жизни гораздо более христиане, нежели их порочные, лицемерные учителя, которые внушали им эту ненависть к Евангелию. Многие наши монахи, ректоры семинарий и академий, архиереи гораздо более атеисты и материалисты на самом деле, нежели наши юноши, проповедующие атеизм. Только отстранив совершенно влияние монахов на духовные заведения и поручив их исключительно белому духовенству, только с доступом последнего на высшие места церковной иерархии может последовать в России нравственное очищение общества, только этими мерами и признанием полной свободы совести и слова истребится в России та зараза диких, безнравственных учений, которые разъедают наш общественный организм. Внешняя сила, политические строгости только усиливают их торжество. Юношеству, молодежи нравится все гонимое; страх и опасности, соединенные с исповеданием таких учений, послужат молодежи самую лучшею приманкою. Эти меры, эта свобода совести суть необходимые, неперемennые требования православия. Русское государство не может действовать вопреки интересам и требованиям веры русского народа, для которого, как впрочем и для всех народов, исключая может быть римлян, интересы веры, т. е. вопросы духовные, нравственные всегда были выше случайных интересов политических. Не подчиняясь этим высшим требованиям народа, государство само себя подкапывает, губит себя с двух сторон, с одной, усиливая и распространяя, против воли, дикие учения, с другой, в нравственной, здоровой части общества уничтожая к себе всякое сочувствие, всякую возможность помогать ему и поддерживать его.

В Дрездене я пробыл два дня, причем проводил целые часы в галереи, ознакомиться с сокровищами которой считал необ-

---

¹ Введенский Иринарх Иванович (1813– 1855) – русский переводчик, литературный критик, педагог.

ходимым для своего общего образования. В церкви я встретился с гр. Блудовым¹ и его дочерью и провел потом у них несколько приятных часов. Графиня мне дала рекомендацию в Сербию и сообщила о тамошних политических деятелях несколько полезных мне сведений. В Дрездене я виделся также с Вальфзоном², редактором «Russische Revue». Он мне дал первый выпуск своего журнала и просил меня написать о нем в наших журналах. Я хотел написать о нем в «День» и при этом деликатно заметить редактору, что он мог бы действовать гораздо полезнее и для России и для Германии, если бы собственно старался знакомить свое отечество с нашим и избегал бы впрочем общенемецкой привычки учить нас, русских, в наших собственных делах, что очень трудно и даже бесполезно делать из Дрездена. Чувствуя себя не совсем здоровым после частых переездов и надеясь еще не раз побывать в Дрездене, я не был там нигде, кроме галереи, а на третий день своего пребывания в нем решил отправиться за город подышать свежим воздухом. В тот же вторник вечером я воротился на пароходе по Эльбе из саксонской Швейцарии, в которой я доходил до Бастея. Я был очень доволен этою прогулкою между прочим и потому, что имел случай видеть саксонские деревни и разговаривать с саксонскими крестьянами. Нельзя не заключить о саксонских немцах всех классов общества, что они гораздо приятнее в обращении прусских немцев; они приветливы и ласковы, гораздо более развиты художественно и эстетически, веселее, живее и изящнее пруссаков, которых простой народ в Саксонии очень не любит. Вообще без кровопролития Пруссия никогда не присоединит к себе Саксонию, и Саксонская династия в личных своих интересах ловко умеет разрабатывать эту антипатию своих подданных к Пруссии. С тою же целью оно покровительствует маленькому славянскому народцу серболужичанам, живущим в Пруссии и Саксонии. Между прочим, как Пруссия гонит своих лужичан, так называемых дальних (чистом до 70 тысяч), и притесняет их народность, Саксония, напротив того, сама поддерживает и питает народные стремления своих лужичан, горных, т. е. верхних (числом до 80 тысяч). Ни один быть может славянский народ не пользуется такою свободою, как эти последние. На другой день, в среду, я

---

¹ Блудов Андрей Дмитриевич (1817–1886) – граф, тайный советник, камергер, дипломат.

² Вольфзон Вильгельм (1820–1865) – драматург и журналист. Родился в Одессе. С 1850 г. жил в Дрездене, где издавал вместе с Пруцом «Deutsches Museum», а с 1862 г. основал «Russische Revue» (с 1864 г. под названием «Nordische Revue»).

отправился из Дрездена в Будишин и пробыл там 2 дня. В Смоляре¹, бывшем у нас в России и редактором «Sklavische Zeitschrift», я имел уже старого знакомого, который меня свел с другими тамошними учеными и литераторами. Из Будишина я ездил в одну деревню, к пастору Имишу, прекрасному человеку и горячему славянину. Сербо-лужицане будут, конечно, одними из первых славян, которые примут наш язык для своих общих литературных произведений, сохранив, конечно, свое народное наречие для своих местных целей и потребностей. Нет сомнения, что наш язык был бы принят ими скорее, если бы было больше связей между ими и нами, если бы, напр[имер], те сотни русских которые живут в Дрездене, были бы несколько развитее, заботились бы о том, часто бы навещали сербо-лужичан и если бы, наконец, между саксонскими лужичанами были бы одни протестанты, но между ними есть и католики. Один из даровитейших нынешних их литераторов есть патер Мих. Горник. Он был со мною очень мил и ласков, кажется искренен. Он говорит довольно свободно по-русски. Правда, о России он со мною не говорил ни слова, но об его взглядах на Россию хорошо свидетельствовали портреты, которые висят в его кабинете. Кто это? Редактор краковского «Часа», самого нелепого и подлого органа польской католической журналистики, отличающегося самою тупою ненавистью к нам, русским, или, как он обыкновенно говорит, москалям. Горник заметил кажется мое удивление и сейчас завел речь о других предметах. Я хотел этим примером указать Вашему Превосходительству на отношения к нам католической партии во всех землях славянских. Молодые люди сербо-лужицане католического вероисповедания воспитываются всегда в Праге, где издавна на счет Саксонского правительства существует для них особое сербо-лужицкое отделение в семинарии (по нашему духовной академии), а протестантского вероисповедания – в Лейпцигском университете, где они немечатся, тогда как католики в Праге бывают обыкновенно горячими славянами. Лужицкая земля составляла в течении веков принадлежность чешской короны и существует договор, по которому снова она может достаться чешскому королю. Нынешняя народная чешская партия, в числе которой состоит Палацкий², Ри-

---

¹ Смолляр Ян-Эрнест (1817–1886) – писатель, журналист, фольклорист, крупнейший представитель лужицкого возрождения. Составил лужицкую грамматику и словарь сербо-лужицкого языка.

² Палацкий Франтишек (1798–1876) – чешский историк, просветитель и политик, лидер чешского национального движения середины XIX в. Автор обширной «Истории чешского народа в Богемии и Моравии» и ряда других произведений, в том числе трактата «Идея государства Австрийского» (1865), в

гер¹ и другие, требует постоянно австрийского императора короноваться в Праге и объявляет всегда, что она верна *своему королю*. Чехи сверх того сильно желают распространить у лужичан свою литературную роль, и в самом деле каждый воспитанник сербо-лужицкой семинарии в Праге прекрасно владеет чешским языком. О связях, о тесных сношениях с лужичанами очень стараются поляки, вообще очень мало знакомые с славянскими племенами. Поляки постоянно теперь пишут, что самая лучшая пора лужичан была в эпоху их соединения с Польским королевством. Вообще они думают, что лужичане должны быть снова соединены с ними. Того же хотят и чехи, которые в настоящее время страшно ухаживают за поляками. Все эти притязания на Лужицы очень хорошо должны быть известны Саксонии, которая не только не глядит недоверчиво, но всячески покровительствует славянам. Меня давно стал занимать этот вопрос и тем более, когда узнал, что в нашей Польше есть или была, не скажу партия, а мысль об избрании вновь саксонской династии, которая бы в замен Познани и Нижних Лужиц отдала Пруссии свои немецкие земли. Об этой мысли польской я слышал в прошлом году. Она может нравиться, конечно, духовенству, ибо саксонский двор – католический и той польской нереспубликанской партии, которая не желает русской династии. Как сильна эта партия в нашей Польше, я решительно не знаю, точно так же, как не имею никаких положительных сведений об отношениях чехов к Саксонии, знаю только, что чехи хотя и толкуют публично о необходимости для них самих сохранять цельность Австрии, сами, однако, не верят в возможность сохранить, напр[имер], Венецию, знают очень хорошо, что австрийские поляки, их друзья и союзники в рейхсрате, решительно думают об отложении от Австрии. Если бы они, т. е. Краков и Западная Галиция, желали присоединения к русской Польше, то чехи не стали бы так систематически разрабатывать общественное мнение свое против России, как они это делают ныне. В прошлом году, зимою Ригер в рейхсрате в одной из своих блестящих речей высказал ту мысль, что западные славяне должны создать такую сильную федерацию, которая бы служила оплотом против Германии, с одной, и против России, с другой стороны. Эта мысль

котором обосновал доктрину *австрославизма*. В 1860–1870-х гг. Палацкий пользовался среди чехов огромной популярностью, его часто называли «отцом нации».

¹ Ригер Франтишек (1818–1903) – один из лидеров (с 1874) партии старочехов, барон (1897), доктор права. Участник чешского национального движения 30–40-х гг. XIX в.

постоянно повторяется и поляками. По Венскому трактату, Чехия с Моравиею принадлежит немецкому Бунду, следовательно, в случае распада Австрии, которого желают и Венгерцы и большинство славян, не принадлежащих к так называемым немецко-славянским землям, частям немецкого Бунда, в случае, говорю, распада Австрии, которого желают и Италия и Германия и огромная германская партия Nationalverein'a (хотя все из разных видов), Чехия должна будет отпасть к Германии. Очень возможно, таким образом, что народной Чешской партии пришла мысль о Саксонской династии, о которой мечтали или мечтают и некоторые поляки. В одном разговоре со мною Ригер заметил мне раз: «Политический человек должен рассчитывать вперед на сто лет и более». В самом деле, в высшей степени странно бы было, если бы чехам не представлялось о возможности распада Австрии в то время, когда об этом все говорят и пишут. Габсбургов, создавшим им столько зла, они терпеть не могут. Мне Палацкий раз сказал: «Главное наше несчастье состоит в том, что судьба связала нас с династиею самою бездарною и ретроградною, наш сísar – личный враг славянства, он ненавидит нас». Если бы чехам приходила мысль о федерации под русским покровительством или о чешском короле – одном из русских вел. князей, то конечно, повторяю, нынешние политические вожди не действовали теперь против России. Что эта польско-чешская мысль может нравиться саксонскому королю и Бейсту, в этом, кажется, нельзя сомневаться, ибо вообще Саксония – создание искусственное, в котором много участвовал Наполеон I. Нынешний повелитель Франции, конечно, не был бы против этой мысли, ибо такая комбинация совершенно соответствует планам Франции относительно Германии. Наконец, эта мысль улыбается всем католикам в Европе. Нет сомнения, что она не может осуществиться, но тем не менее может долго занимать политических мечтателей и мешать успокоению Польши. Из разговоров здесь в Вене с одним чешским представителем я мог заметить, что поляки не думают и теперь отказываются от несчастной мечты восставления Польши в исторических пределах. Мне этот представитель сказал между прочим, когда я ему доказывал безвыходность их положения в нынешней, цельной Австрии, «мы это знаем и потому всего надеемся от разрешения польского вопроса». «Скажите, прибавил он, как сильна в Малороссии партия, которая желает независимости? Могут ли поляки рассчитывать на Малороссию?» Этот депутат чешский принадлежит к партии Ригра и находится с польскими депутатами в самой тесной дружбе. Талантливейший из по-

следних, Смолка¹, еще недавно говорил и писал, что Польша должна быть свободна от Варны до Днепра.

В Прагу я приехал 31 мая н.с. и выехал из нее 1 июля н.с., но всего в Праге я прожил две недели, остальные две провел в одной чешской деревне. В Праге я осматривал старые достопримечательности, музей чешский, библиотеки, купил по случаю небольшое собрание книг по аукциону, по смерти одного чешского ученого Крольнуса, причем приобрел несколько брошюр, не важных по содержанию, но составляющих библиографическую редкость. Я намерен их пожертвовать в Публ[ичную] б[иблиоте]ку в Отделение иностр[анных] писателей о России. В Праге я старался ознакомиться с новейшими явлениями Чешской литературы, осмотрел некоторые рукописи и исторические памятники и составил себе план занятий ими будущей зимою. Но теперь в Чехии преобладает политическое направление, и потому я обратил на него особенное внимание, следил за журналистикою, бывал на всех праздниках и демонстрациях. В этом отношении мне особенно были полезны многочисленные знакомства. В Праге меня уже знали. Чехам особенно польстило то, что я посвятил свою магистерскую диссертацию Палацкому. О моем приезде в Прагу было напечатано в журн[але]: «милый гость живет теперь у нас» и т. д. Я был у Палацкого 2 раза, однажды вечером, другой раз на обеде, но больше видался в чешском клубе или беседе. Он приехал в Прагу через несколько дней после меня и уехал из нее за две недели еще перед моим отъездом в деревню. Итак, я виделся с ним раз пять или шесть. Не больше виделся и с Ригром, его зятем. Палацкий, можно смело сказать, человек гениальный. Все, что есть теперь в Чехии образованного, или, как здесь в Австрии говорят, вся интеллигенция справедливо глядит на Палацкого, как на своего родоначальника. Необыкновенно светлый ум, прекрасное образование, энергический и скрытный характер составляют, кажется, его главнейшие черты. Он заправляет всем чешским движением еще с 30-х годов, сначала незаметно, тайно, до 1848 г., по-видимому, только в литературе, а когда в 1848 г. он получил от немецких депутатов во Франкфурте приглашение приехать на сейм, то он обнародовал свою, чешскую программу. «Чехия желает всякого успеха свободе Германии, но послать своих депутатов на сейм немецкий не может, ибо она земля славянская и к Германии не принадлежит. Чехи, как и все австрийские славяне, должны желать

---

¹ Смолка Франц (1810–1899) — австрийский политический деятель польского происхождения. Неоднократно выступал с антирусскими лозунгами.

сохранения Австрии, чтобы не подпасть одинаково опасному для них владычеству Германии, с одной, и России, с другой стороны. Австрия должна быть федерацией, одним из членов которой должна быть чешская земля или коруна с Моравиею и Силезиею». На славянском сейме в Праге 1848 г. был Палацкий выбран председателем. В период Баха Палацкий снова стал предводителем. В настоящее время он член так называемой панской рады в Вене и заседает вместе с первыми магнатами Австрии. В Чехии он пользуется величайшей популярностью, как и талантливый его зять. Редкая чешская деревня или община не выбрала их своими почетными членами. Они имеют тысячи три адресов благодарственных и проч. из всех краев Чехии. Вся чешская журналистика (в Праге издается до 6 журналов политических) направляется Палацким. При первом же моем свидании с ним, я завел речь о Польше, желая выведать его мнения. Он мне стал говорить к моему удивлению за нас против поляков. «Поляки соу без розуму». Как можно отдать Киев, колыбель Руси? Но признаюсь, я не верю искренности его замечаний. За обедом услышав, что я в разговоре с знаменитым медиком Гаммерником упомянул имя Лелевеля¹, Палацкий отозвался о нем с полупрезрением. Он мне говорил также: «Мы были против вашей влады, никогда против русского народа. Мы столько уже терпели от немцев из-за подозрения их, за сочувствие наше к России, что вы уже поэтому должны нам помочь». Впрочем, при своем здравом, светлом уме и при своем протестантстве, Палацкий не может особенно уважать и польской партии, состоящей преимущественно из фантазеров и завзятых католиков. Мне кажется, что Палацкий мог бы быть несколько более расположен в пользу России. Это было бы очень важно, ибо он держит в своих руках все чешское движение. Впрочем, в последнее время его боязнь России несколько уменьшилась. Позволю себе привести один случай, совершенно достоверный и который я узнал стороною. В к[онце] прошлого года один из молодых редакторов «Народные листы» проф. Топпер ездил в Варшаву. Вернувшись оттуда, он написал несколько статей, в которых чрезвычайно резко, оскорбительно отзывался не о правительстве нашем, а о самих нас, русских, называл нас дикарями, варварами и пр. Один из

---

¹ Лелевель Иоахим (1786–1861), польский историк и идеолог польского национально-освободительного движения. Во время польского восстания (1830–1831) – председатель Патриотического общества и член Временного правительства. В эмиграции возглавлял организацию «Молодая Польша».

русских, бывших в то время в Праге, послал И. С. Аксакову¹ в «День» очень сильный ответ. Аксаков, с своей стороны, прибавил несколько замечаний в том смысле, что чехи теперь очень зазнались, воображая себя первым славянским народом и очень ясно им намекнул, что без нашей помощи им никогда не освободиться от немцев. Когда «День» пришел в Прагу, то Топпер и вся молодая партия, преимущественно сочувствующая полякам, хотела уже изготовить Аксакову ответ *громовой*, но Палацкий и Ригер, узнав об этом, решительно воспротивились и дали сильный нагоняй Топперу за его статьи о Варшаве. Аксаков, хорошо знакомый со всеми политическими деятелями славянскими умел очень ловко задеть их, не называя имен. Вообще я при том вынужден заметить Вашему Превосходительству, что запрещение газеты «День» будет иметь самые печальные последствия в землях славянских, для нашего на них влияния. Я говорил об этом с В. П. Балабиным², и он совершенно того же мнения. Вашему Превосходительству угодно было, чтобы я сообщал Вам сведения о партиях у славян, об их симпатиях к России. Император Александр II³ пользуется у них большим уважением, точно также и вел. князь Константин⁴, но вообще русского правительства они не любят и считают его совершенно немецким. Но и они понимают или лучше чувствуют силы и будущность русского народа. Наши партии, западнические, всех толков пользуются у них малым сочувствием. Бакунина⁵ они знают, но большинство понимает его сумасбродство, гораздо больше любят Герцена⁶, но лично знакомы с большею частью нашей партии так называемых славянофилов. Только побывав в славянских землях, можно вполне оценить те громадные услуги, которые оказали Хомяков⁷, Киреевские⁸, Аксаковы. Славяне сочувствуют в России только русскому, славянскому элементу, разумеется самому многочисленному, создавшему Россию, как она есть. Они справедли-

---

¹ Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – публицист, поэт, общественный деятель, славянофил. В 1861–1865 гг. издавал газету «День».

² Балабин Виктор Петрович (1811–1864) – тайный советник, посол в Вене.

³ Александр II (1818–1881) – российский император (1855–1881).

⁴ Константин Николаевич (1827–1892) – великий князь, второй сын российского императора Николая I.

⁵ Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) – философ, революционер, один из идеологов народничества и анархизма. Разделял идеалы панславизма.

⁶ Герцен Александр Иванович (1812–1870) – философ, писатель, публицист, деятель революционного движения.

⁷ Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – философ, поэт, публицист, богослов, один из лидеров славянофилов.

⁸ Киреевский Иван Васильевич (1806–1856) – философ, литературный критик, публицист, один из лидеров славянофилов. Киреевский Петр Васильевич (1808–1856) – фольклорист, славянофил.

во видят в нашей партии, к которой я за честь считаю принадлежать, наивернейших представителей этого элемента. Точно так же смотрят на нас и немцы прусские, германские, австрийские и русские, петербургские и остзейские¹, которые нас не терпят. Петербург славянам не внушает ни малейшего сочувствия. На всякую другую русскую партию смотрят они с недоверием. Только орган славянофилов может иметь у славян сильное значение и влияние. Образ мыслей, характеры главнейших представителей славянофильства, их труды, соединенные с самопожертвованием, для распространения идеи славянства в России очень хорошо известны в землях славянских. Ни одна даже польская партия, всегда неразборчивая в нападениях, не осмеливалась заподозрить славянофилов в искренности их убеждений, в благородстве и независимости характера. На всякий другой орган, который бы захотел теперь заменить «День», орган не славянофильский, славяне стали бы глядеть с недоверием. «Колокол»² и бакунинские прокламации будут теперь наиболее читаться в землях славянских. Поляки с удовольствием могут теперь взирать на русскую журналистику, ни один орган не соберет себе таких с ними бойцов, каких имел «День». Ни одни из славянистов, знакомых с славянским вопросом, не решиться посылать своих статей к редакторам, которых надо учить азбуке в этом деле. Запрещение «Дня» в высшей степени пагубно и в другом отношении. В Чехии особенно, также и в других славянских католических землях есть одна партия, которая питает глубокое сочувствие к нашей церкви. Эта партия немногочисленна, но она может иметь великое будущее, в чехах, напр[имер], к ней принадлежал Ганка³. Я знаю таких православно-мыслящих между молодежью и стариками, даже к удивлению встретил тоже сочувствие в некоторых сельских священниках. Эти люди не только уважают славянофилов, но и преданы им всею душою. Имя Хомякова для них просто священо. Запрещение «Дня» наносит удар этой партии или школе и в то же время чрезвычайно приятен ультрамонтанской партии в чехах, которая с боязнью следила

---

¹ Один из наших Немцев, очень хороший человек и мой приятель, ныне живущий в Риге, сказал мне 2 года тому назад: «В. И., я Вас очень люблю, но если Вы будете Славянофилом, я Вас стану ненавидеть». Он сказал это горяча, но искренно. (Прим. В. И. Ламанского). – Речь в примечании Ламанского, вероятно, идет о Егоре Егоровиче Беркгольце, редакторе «Baltische Monatschrift».

² «Колокол» – русская эмигрантская газета, издававшаяся на русском и французском языках А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Лондоне и Женеве с 1857 по 1867 гг.

³ Ганка Вацлав (1791–1861) – чешский филолог и поэт, деятель национального возрождения.

за успехами «Дня». Я в Праге разговаривал с одним их главных деятелей этой партии, ультра-католиком Штульцем, редактором журнала «Розог», в котором он постоянно пишет о русской церкви, разумеется, с своей точки зрения, вызывает чехов ходить в Россию и проповедовать в ней католицизм. Эта партия, к которой принадлежит глава чешской аристократии граф Клем-Мартинец, главнейше блюдет союз чехов с поляками, находится в тесной связи с русскими иезуитами кн. Гагариным¹ и Голицыными², Мартыновым³ и др., а также и с другою сильною католическою партией в Хорватии. В главе последней стоит епископ Штрессеймайер⁴. Как ни богат он, но капиталы, которыми он располагает, заставляют думать, что он тесно связан с римским обществом пропаганды в землях славянских. Его агенты рассеяны ныне по всей Турции, в его епархии печатаются десятки болгарских, сербских книг и брошюр, проповедующих унию в православных славянских землях Турции, на его счет воспитываются молодые люди в Пражском унив[ерситете], основывается ныне в Загребе (Аграме) Южно-славянская академия или университет. Некоторые профессоры будут чехи из партии ультрамонтанской. Он хочет в этот университет притянуть всю православную молодежь южно-славянскую, сербов и болгар. Должна ли, может ли Россия взирать равнодушно на такую пропаганду? Что может тут сделать дипломатия и правительство? Последнее, мне кажется, должно не мешать, а содействовать славянофилам и их бывшему органу «День», который один из всех наших журналов мог с успехом бороться против этой славянской католической партии. Конечно, Илье Арсеньеву⁵ или Н. Ф. Павлову⁶ можно приказать, и они также станут писать против католицизма и за православие. Но я убежден, что наше правительство

---

¹ Гагарин Иван Сергеевич (1814–1882) – князь, российский дипломат. В 1843 г. поселился в Париже, перешел в католичество и вступил в орден иезуитов. Основал в Париже Славянскую библиотеку (ныне – в Медоне).

² Голицын Дмитрий Дмитриевич (1770–1840) – католический миссионер в Америке. Голицын Николай Борисович (1794–1866) – автор сочинения «О возможном соединении Российской Церкви с Западною без изменения обрядов православного богослужения» (1858). Голицына Елизавета (1797–?) – католическая монахиня, занималась миссионерскою деятельностью в Америке с 1840 г.

³ Мартынов Иван Михайлович (1821–1894) – русский католический деятель, член ордена иезуитов, археолог.

⁴ Штрессеймайер Иосип Юрай (1815–1905) – епископ Боснии и Сирмии, хорватский политический деятель, глава национально-либеральной партии Хорватии.

⁵ Арсеньев Илья Александрович (1820–1887) – публицист, сотрудник газет «Санкт-Петербургские ведомости» и «Северная пчела».

⁶ Павлов Николай Филиппович (1803–1864) – публицист, прозаик, поэт, критик.

никогда не решиться на такие меры. Наши духовные журналы неизвестны вовсе в славянских землях и мало могут возбуждать интереса, ибо, по нелепому устройству наших семинарий, в них не преподаются поныне даже древне-славянский язык, не только что новые славянские наречия, литературы, политическая и церковная история славян. Кроме двух наших священников – Раевского¹ в Вене и Войтковского² в Будине, все наши ученые духовные суть совершенные невежи в деле славянском, а эти два священника были сотрудниками «Русской беседы» и «Дня». Из разговоров с католиком Штульцем я убедился, как эта партия опасалась «Дня». Он следит, как видно, за каждым замечанием, каждую статью, имеющую какое-либо отношение к ним. Вот, Ваше Превосходительство, те глубоко негативные последствия запрещения «Дня», на которые указать повелевает мне долг совести.

Чтение газет и журналов, посещение различных публичных собраний, особенно так называемой Чешской беседы и знакомство с Палацким, Ригром, Браунером, Клаудии, Зелены, Чешскими депутатами в Венском рейсрате, учеными Эрбеном³, Томком, Запом⁴, Гаммерником, Шмидтом, Венцигом⁵, Коубою, Вртятком⁶, со многими другими литераторами и множеством молодежи было мне в высшей степени полезно в том отношении, что в самое короткое время позволило мне довольно близко ознакомиться с политическим и социальным состоянием Чехии, с ее современными насущными потребностями и со всеми волнующими ее вопросами. Всегда, когда мог, я старался в свою очередь распространять между чехами более ясные понятия о России, особенно много говорил я с ними о наших отношениях к полякам, на которые они глядели с самой крайней польской точки зрения.

---

¹ Раевский Михаил Федорович (1811–1884) – протоиерей, настоятель русской посольской церкви в Вене, писатель, деятель славянского движения.

² Войтковский Василий Миронович (ум. 1904) – профессор церковной истории и богословия в Новороссийском университете (с 1869). Автор работ: «О православной церкви в австрийских владениях», «Об униатской церкви в Австрии», «О церковном положении глаголитов», «О богослужении протестантской церкви», «О религиозном движении в Галиции», «О сверхъестественном в религии», «Обрядовой вопрос в Галиции»; «Отношения между католичеством и протестантством», «Об упадке богослужения в протестантской церкви»; «О церковном соединении Германии», «Платон Атанацкевич, заслуженный сербский епископ в Австрии», «Начатки христианства между мадярами».

³ Эрбен Карл Яромир (1810–1870) – чешский поэт и историк.

⁴ Зап Карел Владислав (1812–1871) – чешский писатель, автор работ по чешской истории, географии и археологии.

⁵ Венциг Йозеф (1807–1876) – видный деятель чешской культуры немецкого происхождения.

⁶ Вртятко Антонин (род. 1815) – чешский писатель и ученый, переводчик «Категорий» Аристотеля на чешский язык.

В две недели пребывания моего в деревне, в избе одного крестьянина, отца одного молодого чеха, моего приятеля и хорошего славяниста, я сделал очень большие успехи в чешском языке и уже мог довольно свободно, хотя и не без ошибок, разговаривать с крестьянами. Тут знакомств я сделал пропасть. Каждая пустая беседа возбуждала во мне множество новых вопросов, расширяла мой горизонт. Вторая половина июня была в чехах очень дождлива и, пользуясь ненастьем, я занимался чтением новейших чешских исследований о славянском праве в Чехии и духовного протестантского журнала «Гус», в котором много исторических статей о чешских религиозных сектах, очень сходных с нашим расколом. Об этом сходстве я говорил с Палацким, который был сам поражен этою мыслью, читая сочинения Свегина и Щапова¹ о нашем расколе. Зимой в Праге я буду заниматься рукописями этих чешских реформаторов, ибо в Чехии католическая партия, ныне очень сильная, никогда не позволит их издать в свет.

Из Праги я отправился в Брно, главный город Моравии, где прожил 2 ½ дня, закупил несколько книг и ознакомился с патером Сумилоу, хорошим патриотом, но ревностным католиком, с хранителем Музея Траппом и историком Брандлем². С этим последним я проводил целые часы. Мои беседы с ним были мне в высшей степени полезны.

В Вене я был у В. П. Балабина, вручил ему письмо Вашего Превосходительства. Не могу при этом не выразить своей признательности за рекомендацию, ибо г. Балабин меня чрезвычайно обласкал, пригласил меня на другой день к себе обедать, познакомил меня с двумя Сербами, служащими при посольстве, которые сообщили мне много важных сведений.

Желая приготовиться к предстоящему путешествию в Пешт и юго-славянские земли, я приобрел здесь несколько новых и старых сочинений о Венгрии и целые дни провожу дома за чтением их. В остальное время я выдаюсь с некоторыми живущими здесь славянами, как депутатами в здешнем рейсрате, так и с другими, напр[имер], Словаком Кузмани³, одним из вождей современного словацкого движения в Венгрии, он суперинтендант протестантской словацкой церкви, проф. и декан здешнего университета. Этот один из умнейших славян, друг

---

¹ Щапов Афанасий Прокофьевич (1831–1876) – сибирский историк, этнограф, публицист, один из деятелей областнического движения.

² Брандль Викентий (1834–1901) – чешский историк и политический деятель, член Чешской академии.

³ Кузмани Карл (1806–1866) – литератор-патриот, журналист, профессор богословия в Венском университете.

Хомякова и других славянофилов. Я к нему явился без всякой рекомендации. Он меня чрезвычайно обласкал, как приятеля Аксакова и сотрудника «Дня». На Кузмани запрещение «Дня» произвело самое тяжелое впечатление. Вообще здешние славяне думают, что настоящим тому поводом была статья 34 № «Дня» об остзейских немцах. Я не стану, Ваше Превосходительство, указывать, как вредно действуют все такие предположения на отношения славян к России, как колеблют они то уважение к ней, которое снова стало в них усиливаться по освобождении крестьян и проч. Кроме Кузмани, я часто выдаюсь здесь с Хорватом Ткалцом, редактором журнала «Ost und West», с Я. Ф. Головацким¹ из Галиции и с молодыми русскими, здесь воспитывающимися. В субботу у меня были в гостях более 20 этих молодых людей с Головацким. Из них были представители всего русского народа в Австрии – несколько человек из Галиции, несколько из Венгрии, один из Буковины, все Малорусы, но глубоко привязанные к России, желающие иметь с нами одну литературную речь и совершенно несочувствующие попыткам Кулиша² образовать особую Малорусскую литературу. К стати, замечу, что запрещение «Дня» и в этом отношении пагубно, ибо заставило молчать лучших и способнейших противников Кулиша, имеющих большое сочувствие в Малороссии, в Галиции и Венгрии.

По множеству занятий я не имел возможности посетить лекции некоторых здешних профессоров, о чем не сожалею, ибо теперь они не идут в порядке, по случаю экзаменов. Я надеюсь еще быть в Вене не раз. Здесь я посетил превосходное заведение Билки (чеха), краткое описание которого при сем прилагаю.

В четверг 5/17 июля я уезжаю из Вены в Пешт, а в первых числах августа надеюсь быть в Белграде.

Позвольте мне Ваше Превосходительство заключить мой отчет изъявление благодарности за отправление меня за границу, ибо польза этого путешествия для меня истинно громадна, ибо в течение этих 2 месяцев я обогатился массою новых сведений, которые бы в кабинете не приобрел и в течение нескольких лет. Каждая новая мысль ложится в голове твердо, ибо основана на собственном опыте, на личных наблюдениях.

---

¹ Головацкий Яков Федорович (1814–1888) – один из выдающихся деятелей галицко-русского возрождения, профессор кафедры русского языка и литературы и ректор Львовского университета (1848–1867). Униатский священник. С 1867 г. жил в России.

² Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897) – малорусский поэт, публицист, переводчик и историк, деятель украинофильского движения.

Кроме разных заметок, я написал в чернее одну статью о польском вопросе в форме рецензии одного польского журнала «Prawda», выходящего за границую. Здесь я изложил те мысли и замечания, которые проводил всегда в разговорах своих и спорах с Чешскими депутатами, совершенно настроенными в этом отношении поляками. Статью эту, как и письма о своем путешествии я желал посылать единственно Аксакову.

Вена 2/14 июля 1862 г.

Владимир Ламанский

(РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. № 706. Л. 1, 1 об., 2, 2 об, 3, 3 об., 4, 4 об., 5, 5 об., 6, 6 об., 7, 7 об., 8, 8 об., 9, 9 об., 10, 10 об., 11, 11 об., 12, 12 об., 13, 13 об.)

Письмо О. Ф. Миллеру¹

Hall (Ober-Österreich)

3 июля 1863 г.

Здравствуйте, добрейший Орест Федорович.

Дня три, четыре тому назад получил я письмо Ваше и не сказанно ему обрадовался, не собрался же отвечать ранее по лености. Не знаю, откуда узнал Патера, что я болен, вероятно от Потевни² и Палацкого, к которому я заходил однажды, ко-

---

¹ Миллер Орест Федорович (1833–1889) – историк русской литературы, профессор Петербургского университета. Происходил из немецко-шведской семьи. Активный деятель славянофильского движения. Один из ближайших друзей Ламанского.

² Потевня Александр Афанасьевич (1835–1891) – украинский и русский языковед, литературовед, философ, первый крупный теоретик лингвистики в России. Это была единственная встреча Ламанского с Потевней. Тридцать лет спустя в некрологе, опубликованном в «Живой старине» он писал: «Только раз в жизни случилось мне встречаться с ним в Вене в 1862 г. И провести с ним в самой оживленной беседе несколько приятных часов в течении одного, двух или трех дней, теперь решительно не помню. Его красивое, выразительное лицо, его живая, блиставшая оригинальным умом и богатством продуманных, из первых рук добытых сведений речь, его любовь и художественная чуткость к народной поэзии, его редкое, особенно в тогдашней молодежи, уважение к свободе и разуму народной жизни и мысли, его убеждение в народности науки в каждой стране, произвели на меня неизгладимое впечатление и внушили мне глубокое к нему сочувствие. О встрече нашей я ничего не записал, подробности наших разговоров мною забыты, помню, впрочем, что кроме языка и народной поэзии шла речь и о русской литературе и о разных наших славянских делах. Помню также, что с глубокою грустью вспомнил он о своем безвременно погибшем младшем брате, жертве юношеских увлечений, передал несколько подробностей о лично ему знакомой и высоко им ценимой писательнице на-

гда он был в Вене. Венский доктор посоветовал мне в заключение моего лечения взять несколько йодистых ванн. Прежде я было хотел ехать в Галич, в Ивонич, но, рассудивши, что большая часть тамошних жителей и гостей, поляки, я, к сожалению моему, должен был отложить поездку. Теперь не знаю, удастся ли мне побывать в Галиче, а очень бы хотелось и даже следовало бы. Когда я объяснил доктору, что в Ивонич я не поеду, то он указал мне на Галич, где я нахожусь уже одиннадцатый день и пробуду еще столько же. Место здесь превосходное, воздух здоровый, горный, жизнь тихая, – все это вместе с лечением, питьем воды и купаньем принесло мне очевидную пользу и я, аки Бог да, совершенно поправлюсь.

Давненько не видались мы с Вами, добрейший Орест Федорович. Впрочем, о Вас я имел некоторые сведения от наших и от Потевни, с которым я очень дружественно сошелся в Вене. Он хороший, добрый, честный парень. Мне сдается, что мы когда-нибудь с ним встретимся на поле литературной битвы по поводу... не знаю, как и назвать, украинофильства что ли. Совестно как то провозглашать это малороссийским вопросом, хотя предчувствую, предвижу, что с хохлами у нас много возни впереди.

Вы не поверите, как я рад, Орест Федорович, что Вы наконец отдаетесь славянщине. Мне кажется, знаете, пришло уже время, когда каждый образованный русский, тем более ученый, если только он занимается науками историко-нравственными, а не математикою, науками естественными, прикладными и также азиатским востоком, непременно должен быть в большем или меньшем смысле славянистом. Изучение славянского мира раскрывает и выясняет русскому высокое призвание, великие судьбы русского народа. Не знаю, бывал ли когда холоден или равнодушен к нашей святой Руси, но знаю, что никогда еще не любил я ее так сильно, никогда так в нее не верил, никогда так на нее не надеялся, как теперь, поживши в разных землях славянских, лично, наглядно ознакомившись с их положением. Польские смуты, как во многих иных, так и в этом, больше приносят нам пользы, чем вреда. Вы, конечно, читали статьи Ригра и особенно Палацкого, различные немецкие статьи о них, напр[имер], Шуссельки и пр., знакомы также с прениями Рейсрата об адресе. Все это, все эти потоки грязи и ругательств, изливаемые на нас ежедневно Европою, особенно австрийцами, несказанно полезны нам. В сердцах, в зло-

---

шей – Кохановской» (*Ламанский В.И.* Некролог А. А. Потевни // Живая старина. 1892. Вып. I. С. 128.).

сти на кого человек высказывает свои темные опасения и желания. Расслабляющие действия йода и воды мешали мне пока, — но я на днях примусь, — обрабатывать для «Дня» задуманную мною статью по этому поводу. Материалы кое-какие имею при себе. Здесь я занимаюсь мало, Впрочем, учусь по Мадьярски, читаю Kinglake'a Invasion of Crimea. Очень любопытная книга. Прочтите, если попадетсЯ, хотя несколько в высшей степени интересных глав о Наполеоне III, об его похождениях, плутнях и злодействах (2 и 4 дек.). Англия все это знала и тотчас, по его укреплении во Франции, вступила с ним в дружественный союз против России. А теперь нравственное чувство Европы оскорбляется при виде усмиренного нами польского восстания. За многое люблю и уважаю Запад, но не терплю его за его подлое лицемерие и ханжество. Откровенно признаюсь, мне жаль поляков, этой безумной шляхты, водимой за нос скверными ксендзами и испорченными ими женщинами. Европа поджигает их, пользуется ими, как средством, и под конец неизменно их выдаст, предаст, обманет. Не знаю, как Вы, Орест Федорович, но я теперь на Герцена гляжу с негодованием и сожалением. Бакунин никогда и не бывал порядочным человеком. Огарев¹ просто глуп. На него даже сердиться нельзя. А Герцен, бедный Герцен! Как он пал! Он член или агент тайного польского комите[та], русского «Земли и Воли»². Эти острые люди редко имеют твердые убеждения. Не он ли так зло смеялся над всякими тайными обществами, заговорами и казенными революционерами. Еще так недавно писал он о революционном мясе. Его теперешнюю злобу на русских в Польше и вообще на наши отношения к ней я объясняю себе еще и тем, что он, вступая в союз с польским комитетом, наобещал ему горы, ручался ему за содействие и участие русских офицеров, русского войска. Его надежды не оправдались и теперь все пуще раздражается он, ожидая или даже получая упреки от поляков, всегда довольно щедрых на обвинения всех других, кроме самих себя, в собственных несчастьях. Не читал

---

¹ Огарев Николай Платонович (1813–1877) — поэт, публицист, русский революционер.

² Народническая революционная организация «Земля и воля» была создана в конце 1861 г. В нее входили Н. Г. Чернышевский, А. А. Слепцов, Н. Н. Обручев, Н. И. Утин, П. И. Боков, братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи и др. В 1863 г. «Земля и воля» поддержала восстание в Польше. Накануне восстания петербургский центр «Земли и воли», а также за границей А. И. Герцен, М. А. Бакунин, Н. П. Огарев и А. А. Потембня провели переговоры с представителями польского национально-освободительного движения, установив с ними дружественные и союзные отношения.

я ничего, что писал о нем Катков¹, но верно попал в его большое место, потому что он слишком что-то зол на «Моск[овские] вед[омости]». Желал бы я знать, с каким чувством читает Герцен статьи Аксакова, который в последнее время, по моему, вырос необычайно. Аксакова он всегда уважал, любил...

Не знаю, знавали ли Вы, Орест Федорович, Сераковского². Я знал его очень хорошо, познакомился с ним у Чернышевского³. Кстати, читали ли Вы его безобразный роман? Это не только бездарно, но и не умно. Я читал, впрочем, только первую часть.

Вы мне не написали, куда Вам писать. Пишите и давайте Ваш адрес. Мне пишите в Вену (poste restante). Через две недели буду, Бог даст, в Северной Венгрии и останусь в ней, вероятно, по конец октября, – потом в Кроацию, Далмацию и на зиму в Италию. Весною хотелось бы отправиться в Македонию.

Прощайте. Будте здоровы. Читали ли Ренана «La vie de Jésus Christ»⁴. Я еще не видел, хочу купить в Вене.

Ваш Ламанский

6 июля 1863.

(РО ИРЛИ. Ф. 156. Оп. 1. № 11. Л. 1, 2)

Письмо В. М. Владиславлеву⁵

Многоуважаемый
Владимир Михайлович.

Очень Вам благодарен за Ваше милое письмо: я послал Вам поклон не потому, что считал Вас славянофилом. Из писем

---

¹ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – русский публицист, литературный критик, мыслитель консервативного направления, издатель. Преподавал философию в Московском университете. В 1851–1856 гг. – редактор университетской газеты «Московские ведомости», затем журнала «Русский вестник».

² Сераковский Зыгмунт (1826–1863) – капитан российского Генерального штаба, участник польского восстания 1863–1864 гг.

³ Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) – философ, революционер, редактор, литературный критик, публицист и писатель.

⁴ Ренан Жозеф Эрнест (1823–1892) – французский писатель, историк и филолог.

⁵ Владиславлев Владимир Михайлович (род. 1868) – адвокат, экономист, публицист, историк, переводчик Тибула, Марциала и Горация. Был сыном профессора кафедры философии, а впоследствии декана историко-филологического факультета и ректора Петербургского университета М. И. Владиславлева (1840–1890). Приходился внучатым племянником Ф. М. Достоевскому.

Филиппова¹ (отчего он перестал мне писать? Уж не обиделся ли он, не дается ли на меня? Или собирается скоро в Питер и предполагает встретиться со мною? — очень был бы рад) и из бесед со Всеволодом Срезневским², во мне сложилось очень хорошее о Вас представление, как о человеке живом и искреннем и не шаблонном радикале-позитивисте. Этот тип нынешней молодежи, признаться, мне сильно надоел.

Благодарю Вас за Ваше прямое, откровенное *profession de foi*. Лично для меня самодержавие не нужно. Но России и всему нынешнему южному и зап. Востоку [?] царь нужен. И потому я за царя и царство. Конституции европейской я не желаю, у нас должна быть своя. Почитаю только одну английскую, но у нас она не мыслима. Все ее копии на материке полны коренных недостатков. Относительно земских соборов Вы во многом правы, тем более, что большая половина нынешней даже Европ[ейской] России этих соборов не знала и к ним не привыкла — Малая, Белая Русь, Литва, Польша, Приб[алтийские] губ[ернии].

Относительно малых народностей Вы совершенно не правы. Народности гибнущие, забывающие свои языки, песни, обычаи — народности дрянные, подлые, развращенные. Инородцев же у нас несколько миллионов. Положим, мы можем их изнасиловать. Но мы этим испортим себя, развратим вдвойне: 1) учиненными неправдами и насилием, 2) воспринимая, всасывая в себя подлые, развратные элементы и, след[овательно], искажая свой тип.

Между тем, как при сохранении народностей наших инородцев, когда они будут *bilingv*³, масса инородческих тем, мотивов, орнаментов, преданий, обычаев вольется в русскую культуру, образованность, наша литература, наука обогатится множеством лингвистических, филологических, исторических исследований о народностях различных племен. Довольно с нас и того, что все инородцы, получившие образование, будут значительно обруселыми, полурусскими, но главное ни они, ни

---

¹ Филиппов Третий Иванович (1825–1899) — государственный и общественный деятель, государственный контролер (1889), писатель славянофильского направления, собиратель и исследователь русских народных песен.

² Срезневский Всеволод Измайлович (1867–1936) — филолог, исследователь южно-русской литературы. Сын известного слависта, профессора, а затем декана историко-филологического факультета и ректора Петербургского университета И. И. Срезневского (1812–1880). Сотрудник Императорской публичной библиотеки. Заведующий рукописным отделом Библиотеки Академии наук (1893–1931). Член-корреспондент Академии наук (1906).

³ Двуязычны.

их народности не будут питать ни малейшей злобы и ненависти к Руси.

А насильственная русификация только будет их воспитывать в злобе и ненависти к нам. Посмотрите же на славян немецких.

Что касается до некоторого сочувствия Вашего к лютеранству, то в этом я вижу известный атавизм. Православные всегда оставались равнодушны к протестантству вообще – Лютер¹ был хороший типический немец, но весьма посредственный мыслитель и богослов. Виклеф² головой выше и его и прочих реформаторов XVI в. Это равнодушие православных объясняется тем, что выходя из церкви, православный обыкновенно становится рационалистом, переставая верить в божественное откровение христианства. Лютеранское рассудочное [...] и какая-то фальшивая, приневоленная остановка на полудороге православному противна. Наконец, каждый православный сам по себе, в одиночку, – протестант, ибо понимает, что всецелой Истины, открытой всему человечеству и охраняемой всем верующим миром прошедших и будущих веков – церковью, одному человеку ни воспринять, ни осуществить нельзя. Сознательная бессилие индивидуальности, только в церкви понимаешь христианство и Христа.

Недавно я, получив это письмо, прочитал одному из моих старых приятелей, мировых судий в Лифляндии. Оказывается, что губерн[атор] Зиновьев³ все сильней и сильней выступает за немец[их] баронов.

Да, в этом наша главная беда, что либерализм у нас связан с покровительством немцам, поляк[ам], армянам на Кавказе, словом, привилегированным народностям, я же требую уважения ко всем инородческим элементам, и тогда только русск[ая] народн[ость] будет стоять на подобающем ей высоком месте.

[...]

Если будете когда в Петербурге сыщите, пожалуйста, старого Вашего знакомого (я Вас видел еще гимназистом в доме Ваших покойных родителей) преданного Вам В. Ламанск[ого].

Мой привет и поклон Фили[ппову]. Отчего не пишет?

---

¹ Лютер Мартин (1483–1546) – вождь реформации в Германии, основоположник немецкого протестантизма, переводчик Библии на немецкий язык.

² Джон Виклеф (1324–1384) – английский богослов, выступавший с реформаторскими идеями.

³ Зиновьев Михаил Алексеевич – губернатор Лифляндии (1885–1896).

СПб.

7 дек[абря] [18]94.

Звенигородская 32.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 3. № 11. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.)

Письмо Л. Н. Майкову¹

Любезный

Леонид Николаевич.

Вчера, едуци от Вас я невольно стал думать о последних словах Ваших.

По моему главное дело не в Петре Петровиче² – с ним мне как-будто лучше самому объясниться. Мои сношения с ним теперь очень близкие, и мне сдается, что он увидел бы неприятное недоверие мое к нему, если б даже Вы, близкий к нему и ко мне человек, стали первый говорить об этом.

Все дело в том, чтобы достать мне 2000 р. в замен тех, что я получаю в Дух[овной] акад[емии]. Ничего лишнего и ничего сверх этого мне не нужно, ни чина, ни креста. Надо мне кажется действовать на Делян[ова]³. Он сам для меня, конечно, и пальцем не пошевелит.

Дело в том, что я человек семейный – 5 человек детей⁴ – старшему 21 г., студент, младшему 10 л[ет], ничего кроме жалованья и пенсии не имею (Боров[ичевский] домик⁵, конечно, мне дохода не приносит), кое-что для литературы и науки я сделал (сужу по отзывам посторонним, русским и иностранным). Хотя бы по истории Венеции (XV–XVI) и англ[ийские], и франзуск[ие], и немецк[ие] настоящие ученые признали печатно мою книгу⁶ важным и необходимым пособием, греч[е-

---

¹ Майков Леонид Николаевич (1839–1900) – историк литературы, библиограф, этнограф. Академик (1891), вице-президент Академии наук (с 1893). Сын академика живописи Н. А. Майкова, брат поэта Апполона Майкова и публициста Валериана Майкова. Один из друзей Ламанского.

² Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович (до 1906 г. – Семенов) (1827–1914) – географ, статистик, общественный деятель, почетный член Петербургской АН (1873). Вице-председатель Русского Географического Общества (1873–1914). Член Государственного совета (1897). Сват В. И. Ламанского.

³ Делянов Иван Давыдович (1818–1897) – граф, государственный деятель, директор Публичной библиотеки (1861–1882), министр народного просвещения (с 1882).

⁴ Дети Ламанского: Владимир (1874–1943), Вера (1875–1940), Ольга (1877–?), Надежда (1878–1880), Анастасия (1881–1941), Сергей (1885–1941).

⁵ В Боровичах Новгородской губернии находилась дача Ламанского.

⁶ Уникальное собрание документов из венецианских архивов «Secrets d'Etat de Venise», подготовленное Ламанским, было издано в Петербурге в 1884 г.

ские] ученые с Ион[ических] о-в (Корфу) мне прислали благодарственное письмо и довольно редкую книгу в подарок (Crela Saera). Венецианцы очень были злы и обижены, что я раскрыл грехи царицы Адриатики, но без всякого даже ведома моего – я узнал случайно – выбрали меня в числе очень немногих иностранцев Sorio в новооснованное незадолго перед выходом моего труда Societa' di storia patria.

Совершенно хладнокровно и спокойно могу сказать на основании данных и примеров, что везде в Европе, кто хочет серьезно говорить о политической ли нравственности (в XV–XVI–XVII в.), о Восточном ли вопросе (XV–XVI), о Карле ли V¹ (после победы его над Франциск[ом I]² и его успехах в Италии в 27, 28 л.) о походе Солимана³ в Венгр[ию] и под Вену, о государственном строе Венеции и особенно о роли Совета X в республике – всегда прочтят и вспомнят известные страницы моей книги и мои заметки о внутр[енней] истории Венеции. Все там мною об этом написанное впервые и с полной доказательностью – значительно продвинуло понимание многих крупных явлений тогдашней великой эпохи и представило не мало совершенно нового после Ранке, Мишле⁴, да Лева.

По-русски написанное мною тоже, смею думать, не все сплошной вздор, о котором никто никогда не вспомнит. Лет через 50, через сто какой-нибудь критик благочестивый и трудолюбивый меня Бог даст вспомнит и ответит же мне известное место в истории русского просвещения и русск[ой] мысли и науки.

По-русски имею [...] общего исторического труда о слав[янском] мире – я этим делом занят постоянно и довольно давно, много лет. Обработать мои записки, переделать, написать вновь целые главы, дополнить, вставить извлечен[ия], таблицы, годы, прибрать рисунки (старых церквей, зданий, костелов), приложить несколько карт. Все это я хочу сделать до моей смерти и этому делу посвятить последние годы моей жизни. Для этого мне нужно иметь дня три свободных в неделю, когда бы я мог спокойно, исключительно отдаться этому делу.

---

¹ Карл V (1500–1558) – император Священной Римской империи из династии Габсбургов, немецкий король, король Испании (Арагона, Леона, Кастилии, Валенсии), граф Барселоны, эрцгерцог Австрии.

² Франциск I (1494–1547) – французский король (1515–1547) из династии Валуа.

³ Сулейман Великий (1520–1566) – турецкий султан, правление которого считается «золотым веком» Османской империи.

⁴ Мишле Жюль (1798–1874) – французский историк и публицист, представитель романтической историографии.

Вот для этого-то пусть министр и выхлопочет мне 2000 р. аренды, к чему тут стесняться, есть ли у меня Анна и тайн[ый] ли я советник. Тайн[ых] советн[иков] в Рос[сии] очень много, и все они почти легко получают аренду. Мои товарищи гимназ[ические] и универ[ситетские] (не больше меня трудолюбивые и не гении какие) Беры, Перец¹ и пр. давно уже т[айные] с[оветники] и пр. Мне это не надо – вицмундира я никогда не ношу, орденов не надеваю (тем более, что почти все заложены в ломбард), к начальству представляться не езжу и являюсь во фраке когда надо, на торжеств[енных] панихидах и молебствиях не бываю, наконец, за орден нужно платить, а мне все приходится в обрез, и после 15 перед 20-м мы дома почти всегда без денег.

Пусть министр окажет мне услугу во внимание к моим прежн[им] трудам и в надежде, что я, Бог даст, напишу и окончу полезный труд, во внимание к моей 42-х летней (в [18]96 г.) литерат[урной] деятельности. Если это представить Государю, то отчего бы он мог не согласиться на мелочь не чиновнику изв[естного] класса, а просто русск[ому] писателю и ученому, который никакой жадности и корыстолюбия никогда не преследовал. Ломоносовскую премию за диссерт[ацию] я получил совершенно неожиданно (пришел как-то в суб[боту] к Срезн[евскому]² и он меня поздравил, я был совершенно ошеломлен, так как ничего и не подозревал). Все мои материалы (больше пол[овины] еще не изданы), собранные в Венеции, переписаны мною и чиновник[ами] Архива из моего доцентского жалованья, за курьера[?] посылавшей в Венецию я платил уже из моего кармана. Вся награда за «Scer d'Elel» составила 200 экзempl[яров], не больше, кажется.

Петр Петрович может, если понадобится для Делянова с своей стороны прибавить от себя о моей деятельности в Геогр[афическом] общ[естве].

Вот, Леонид Николаевич, на что, не обижая меня, следует указать министру, пусть он сам забудет и государю не говорит обо мне как д[ействительном] с[татском] с[оветнике], а говорит

---

¹ Перетц Егор Абрамович (1833–1899) – русский государственный деятель. В 1871 г. назначен статс-секретарем Государственного совета, в 1878–1882 государственный секретарь, с 1883 г. – член Государственного совета. Бер Дмитрий Борисович – сенатор.

² Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) – русский славист, филолог и этнограф, академик (1851). Профессор Харьковского (1842–1847), Петербургского (1847–1880) университетов и Педагогического института (1848–1859). Декан историко-филологического факультета, ректор Петербургского университета. Основатель петербургской школы славистов, учитель Ламанского.

и помнит как о преподавателе, члене уч[еных] общ[еств], писателе и ученом.

Насчет моих политических статей я знаю Вы держитесь строго академич[еского] и научн[ого] взгляда Ягича¹ и друг[их] строгих ученых. Но я филол[огию] давно почти оставил, занимаясь ею в свободные лишь минуты, а много лет назад перешел почти исключительно на историю, а история – наука политич[еская]. И смешно, просто нелепо думать (простите великодушно), что историк особенно новых периодов (не Египтом и Ассирией я занимаюсь) может не интересоваться политикой. Соврем[енность] не только объясняется прошлым, но и оно само выясняет прошлое. Имею основание думать, что некоторые, по крайней мере так называемые, политич[еские] мои статьи проходили не бесследно не у нас только, но и во всех слав[янских] землях. Об этом свидетельствует обширная полемика в разных слав[янских] литературах и разные меры Австр[ийского] правительства, разные официальные или [...] австрийские и мадьярские статьи и брошюры. Об этом наилучше знает Ягич, деятельный агент Австрии в [...] слав[янских] вопросах, в малорусском вопросе у нас, в сербско-босн[ийском] и болгарск[ом] вопр[осах] за Дунаем. Не министры только, но и сам Фр[анц] Иоз[еф]² спрашивает мнений и советов Ягича обо всех этих слав[янских] вопросах. Это, конечно, не мешает Ягичу, когда приезжает к нам, с простодушием [...] и с пожиманием плеч говорить о том, что как жалко, что я ухожу в политику.

Итак, добрейший Леонид Николаевич, хотите, можете удружить мне, направте Ваши старания преимущественно пока на Делянова, а П[етр] П[етрович], как и вообще мое слабое участие в трудах Г[еографического] общ[ества] может быть только одним лишним поводом и толчком.

Вот, во всяком случае, выгорит или не выгорит это дело, благодаря Вашим стараниям.

В. Ламанский

---

¹ Ягич Игнатий Викентьевич (1838–1923) – выдающийся славист, профессор Новороссийского (1872–1874), Берлинского (1874–1880), Петербургского (1880–1886) университетов.

² Франц Иосиф (1830 – 1916) – австрийский император (1848–1916).

Я человек несколько суеверный. Я убежден, что дело удастся, если Богу оно угодно и нет, если по Божьему мне этого не надо и я прошу напрасно¹.

27 окт[ября] [18]95

(РО ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 3. № 615. Л. 60, 60 об., 93, 93 об., 61, 61 об.)

---

¹ Ламанский получил от министерства народного просвещения дополнительное денежное содержание на четыре года в размере полутора тысяч рублей в год. Затем денежная «аренда» была продлена еще на три года.